

Виленский Ю.Г.

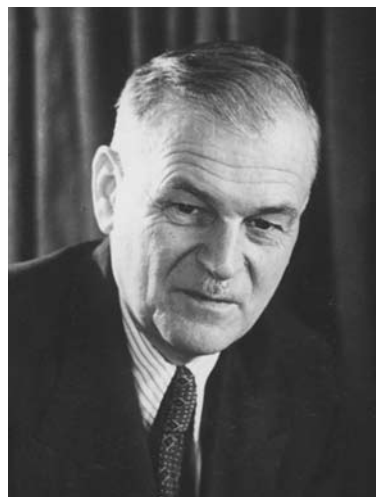
Классик украинской нейроморфологии Б.С. Хоминский — вблизи и издалека

Талантливому поэту Н. Заболоцкому принадлежат строки: «Любите живопись, поэты, лишь ей единственной дано души незримые приметы переносить на полотно»... Можно, однако добавить, что и фотографии, причем даже в большей мере и неподдельности, передают подобные черты, часто в удивительной синтонности совпадая с обаянием личности. Как раз такое впечатление своим иллюстративным рядом, но, разумеется, и основным содержанием вызывает новая книга «Профессор Борис Степанович Хоминский» (К., 2011), выпущенная под редакцией академика НАМН Украины В.И. Цымбалюка Институтом нейрохирургии имени А.П. Ромоданова НАМН Украины.

Предваряя размышления об этой работе и ее герое, нельзя не подчеркнуть: издание зримо и доказательно подтверждает грани научно-литературного дара, но одновременно и тяготение Виталия Ивановича Цымбалюка, усилиями которого в значительной степени воссоздается летопись его родного уже в течение четырех десятилетий Института — от сборников и отдельных изданий, посвященных фундаментам Института А.И. Арутюнову и А.П. Ромоданову, до единственного в своем роде биографического свода о нейрохирургах Украины. В развитие данного творческого призвания с концентрацией на одной из самых ярких и привлекательных фигур в хронике Института — Б.С. Хоминского и появилась новая композиция, написанная в основном разделе в соавторстве с дочерью Бориса Степановича — доктором медицинских наук Э. Хоминской и кандидатом медицинских наук М. Хоминской.

Борис Степанович Хоминский возглавил нейропатоморфологическую службу в Институте нейрохирургии, работал там в течение 27 лет, отмечает В.И. Цымбалюк в предисловии. Сегодня его детище состоит из трех подразделений — отделов нейропатоморфологии, культивирования тканей и электронно-микроскопической лаборатории, занимающих три этажа в административно-лабораторном корпусе — научном сердце Института. Здесь работали, а некоторые работают и по сей день, 10 докторов наук, среди них Ю.Н. Квитницкий-Рыжов, М.И. Шамаев, Т.П. Верхоглядова, В.Ф. Тушевский. И первым профессором в этой когорте был Б.С. Хоминский. Несомненно, продолжая эту констатацию, Борис Степанович был и как бы символом Института, достаточно сказать, что именно он консультировал докторские диссертации его ведущих ученых. Его школа — 24 доктора и 59 кандидатов наук.

К написанию этой книги побуждали несколько факторов, продолжает В. Цымбалюк: 115 лет со дня рождения Бориса Степановича, 60-летие Института, 90-летие со дня рождения А.П. Ромоданова, ибо все эти даты в единой связке. Но был еще один побудительный мотив, пишет он: поразительное внешнее сходство между Борисом Степановичем Хоминским и Мусием Кондратьевичем Божком, дедом Виталия Ивановича со стороны мамы, столпом в его становлении. Можно согласиться, что такие характерологические и внешние совпадения гово-

рят о генетическом родстве душ. На замысел этого этюда откликнулись ученые и исследователи, много лет трудившиеся рядом с патриархом украинской нейропатоморфологии: академик Ю.А. Зозуля, профессор М.И. Шамаев, В.М. Семенова, переводческий феномен Института К.Э. Рудяк, проживающий ныне в Чикаго, заведующая научной библиотекой С.Б. Кричун. Творчески и эмоционально книга несет нравственную чистоту, культуру, одаренность дочерей Б. Хоминского — известного патогистолога Марии Борисовны и крупного эндокринолога Зинаиды Борисовны Хоминских, представляющих Национальный медицинский университет и Институт педиатрии, акушерства и гинекологии НАМН Украины.

Б. Хоминский родился в январе 1896 г. в семье земского врача Степана Федоровича Хоминского. Вскоре семья переехала в г. Стародуб на Черниговщине (ныне Брянская область), там и прошли детство и юность Бориса. И тут, в коротких сведениях, возникает трогательная повесть об отце и сыне. Ведь Степан Хоминский как бы отражал в своем выборе идеалы и цели Земской медицины с ее абсолютным бескорыстием. «Второй после Бога и больницы, пишут авторы, он мог все: провести в крестьянской хате офтальмологическую операцию, бороться даже с сыпным тифом, словно Юрий — врач у Михаила Булгакова, но в реальности. Во время Русско-японской войны, оставив жену с четырьмя детьми, по велению сердца отправился на фронт. Словом, был славой и утешением своего края. Однако в 30-е годы власти стали притеснять врача-демократа дворянского происхождения. Личность с мягким характером, он проявил твердость: ушел на пенсию и переехал в село Посудичи, где приобрел небольшую избу. И вновь он становится центром притяжения больных... В годы войны, до которой не дожил Степан Федорович (он умер в 1940), его сын Борис уже врач, эвакуировавшись с семьей из Харькова, попал в Стародуб, так же захваченный оккупантами, стал вторым великим Хоминским, помогая и местному населению, и партизанам. Впрочем, от официальной справки об участии в партизанском движении он отказался,

хотя неоднократно рисковал жизнью, ведь в лесах, по его мнению, не воевал...

Но очертим по страницам книги, научный и этический портрет Бориса Степановича. Он окончил в Стародубе гимназию, директором которой был, к слову, Р. Киричинский, отец видного киевского физиотерапевта А. Киричинского (вспоминается, в некоторой антианалогии, что директором гимназии, где в Симбирске учился В.И. Ульянов, был отец А.Ф. Керенского, однако ученик не чтит учителей...). Потом последовал медицинский факультет в Киеве, испытания, выпавшие на долю этой молодой плеяды. В 1912 г., чудом избежав мобилизации меняющими властями, Б. Хоминский получил врачебный диплом Киевского медицинского института. В 1922–1929 гг. работал в нынешней больнице имени И.П. Павлова врачом-психиатром и одновременно патологоанатомом. Но надвигалась война психозов, вызванных голодомором, фальсификационная, а затем депрессивная психиатрия. Не желая быть ее фигурантом, Б. Хоминский сосредоточился на нейропатоморфологии. Так, в силу совестливости, его обрела большая наука. Перу Б. Хоминского принадлежит, в частности, фундаментальная монография «Патологическая диагностика опухолей центральной нервной системы», а в Институте он повел своих сотоварищей-хирургов

по сложнейшим вертикалям нейроонкологии. В частности, все нейроэктодермальные опухоли верифицировал именно Борис Степанович. Показательно, что вместе с А. Арутюновым Б. Хоминский, стоял у научных истоков докторских диссертаций А. Ромоданова и Ю. Зозули как пролога их нейроонкологических исканий. В целом, Б.С. Хоминский он был универсальным патоморфологом, и не случайно ему было поручено, наряду с главой о нейроопухолях, редактирование фундаментального руководства по этим дисциплинам.

Борис Степанович, знавший шесть языков, органично сочетал любовь к украинской культуре и преданность российской словесности. Да и вся семья Хоминских предстает кристаллом моральности и культуры. В воспоминаниях о Б. Хоминском встают его научные грани в драгоценных нравственных проявлениях. Так, прекрасно владея английским и готовя статьи для зарубежных журналов (в авторском подлиннике), Борис Степанович, вспоминает К.Э. Рудяк, в интеллигентнейшей форме обсуждал с ним как с эрудитом языка каждую строку.

Книгу украшают чудесные фотографии, от которых нельзя оторваться. И вновь встают дух и стиль славного Института нейрохирургии.